

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Вера Юдина

ПЕСЕННОЕ СОБРАНИЕ П.В. КИРЕЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

(К 210-летию со дня рождения фольклориста)

Песенное собрание Петра Васильевича Киреевского (1808–1856) — явление общенационального значения в русской культуре второй трети XIX века. Начиная с 1831 года, на протяжении четверти века фольклорист занимался собиранием песенных текстов различных регионов России — от Архангельска до Крыма, от Белоруссии до Алтая, объединив для этого усилия передовой интеллигенции своего времени, встревоженной судьбой народного творчества. В предисловии к изданию «Русских Народных Стихов» 1848 г. он привел полный на тот момент перечень «вкладчиков» своего Собрания, насчитывающий 42 корреспондента [14, 305]. Упоминание имен Пушкина, Гоголя, Даля, Кольцова, Якушкина, братьев Языковых и многих других дает яркое представление о масштабах и значении этой работы.

Существенно, что причиной появления песенного собрания стал не только частный интерес прогрессивной общности, но, прежде всего, сложившаяся к этому времени идеологическая ситуация в стране. Самоопределение русской культуры, проблема ее самобытности становится в начале XIX века центральным вопросом общественного сознания. «Народность — вот аль-

фа и омега нового периода» [3, 114]. Определение В.Г. Белинским характерных веяний русской литературы 30-х гг. XIX в. применимо и ко всем другим сферам отечественной культуры данного периода. Едва ли найдется более емкий эквивалент этих тенденций в отечественной музыке, нежели широко известное кредо основоположника русской музыкальной классики М.И. Глинки: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем» [14, 111].

Символично, что создание песенного собрания Киреевского и утверждение национальных основ русской композиторской школы шло параллельно. Как отмечали современники, Глинка «глубоко вникнул в характер нашей народной музыки, подметил все ее особенности, изучил, усвоил ее — и потом дал полную свободу собственной фантазии, которая приняла образы чисто русские, родные; слушая его оперу, многие замечали в ней что-то известное, старались припомнить, из какой русской песни взят тот или другой мотив, и не находили оригинала. Это лестная похвала нашему маэстро; действительно, в его опере нет ни одного заимствованного мотива; но все они ясны, понятны, знакомы нам потому только, что дышат чистою на-

родностью, что в них мы слышим родные звуки» [10, 337–338].

Общей направленности отвечала и развернувшаяся в это время практика собирания и изучения музыкального фольклора, которая рассматривалась как «важнейшее национальное дело, как предприятие огромного исторического и историко-философского значения» [1, 328]. Песенное собрание П.В. Киреевского стало первой монументальной антологией русского фольклора. И хотя оно не содержало в себе собственно музыкальные тексты, однако методы работы с песенными источниками, принципы их систематизации, характер комментариев свидетельствуют о формировании научных подходов, имеющих основополагающее значение для различных областей отечественной фольклористики, в том числе и музыкальной этнографии.

Собрание Киреевского было подготовлено многочисленными публикациями народных песен предшествующего периода. В течение первой трети XIX в. публикуются сборники с подлинными народными текстами («Веселая Эрата», 1801 г.; «Новейший песенник» изд. И. Глазунова, 1819 г. и другие), издаются музыкальные сборники, большое количество народных песен появляется в альманахах и журналах. В 1806 г. переиздается «Собрание народных русских песен с их голосами» Н.А. Львова и И. Прача (первое издание вышло в 1790 г.), а в третьем издании 1815 г. к нему добавляются еще 50 песен.

Значительное влияние на развитие отечественной фольклористики оказал «Сборник Кирши Данилова» — первое печатное издание русского народного эпоса, включающее несколько

десятков былин и исторических песен. Первоначальная рукопись, составленная в конце XVIII века, была утрачена. Издание, выпущенное А. Якубовичем в 1804 г. под названием «Древние российские стихотворения», было неполным и включало 25 текстов без напевов. Подготовленный в 1818 г. филологом К.Ф. Калайдовичем второй выпуск содержал уже 61 стихотворение с напевами, помещенными отдельно¹.

Знаменательным явлением, характеризующим состояние отечественной фольклористики данного периода, становится возрастающий научный интерес к проблемам народного песенного творчества. Показательна появившаяся в 1809 г. работа М. Макарова «Русское национальное песнопение», задуманная автором как первая часть обширного труда «Пантеон российского песнопения» (не был осуществлен). Несомненный интерес представляет идея исторического комментария народной песни: «Я бы очень хотел знать о каждой песне, кем она сложена, или, по крайней мере, в которое время и на какой случай, как она была принимаема любителями песнопения и в каком находилась употреблении. Главнейшее и побудительнейшее желание знать, на какой случай писана песня, происходит от того, как нам известно, что многие из старинных русских песен составляют ряд некоторых исторических отрывков, весьма по своей древности любопытных и занимательных. Имея несколько подобных известий о некоторых песнях, я надеюсь по времени отыскать кое-что в рассуждении и о других, если не для всех, то для многих» [11, 79].

В формировании научных основ отечественной фольклористики значительную роль сыграло Вольное общество

любителей словесности, наук и художеств, существовавшее в Петербурге с 1801 по 1826 гг. Его представители настаивали на издании подлинных текстов в противовес сложившейся традиции их редактирования. Особо следует отметить выдвинутый А.Х. Востоковым тезис о важном значении музыкального ритма в народном стихосложении, о совокупной роли «пения и чтения» для народной поэзии [6, 108].

Широкое распространение народной песни в различных кругах русского общества стимулировало творческий интерес к ней у представителей формирующейся русской композиторской школы. Ярким свидетельством внимания музыкальных кругов к народно-песенным первоисточкам стало рождение особого жанра камерной вокальной лирики, получившего показательное название — «русская песня». Как своеобразная форма художественного претворения традиций народного песнетворчества она разрабатывалась и как самостоятельный жанр, и использовалась в ранней русской опере как существенный элемент музыкально-театральной драматургии.

Музыкальная этнография как составная часть фольклористического движения этого времени вовлекла в свое русло известных композиторов. Особенно продуктивными стали 1830–40-е годы, когда появились сборники народных песен Д. Кашина, И. Рупина, А. Алябьева, А. Гурилева, ставшие ярким свидетельством развития в музыкальной культуре первой половины XIX в. особого направления «урбанизированной народной песни с сопровождением» [2, 57].

Показательно небольшое собрание народных песен И. Рупина (Рупини).

Будучи известным концертирующим певцом, он отобрал из своего репертуара наиболее любимые им и публикой 24 произведения, обработал их и издал в двух выпусках в 1831 и 1833 гг. Каждая песня представлена в двух вариантах — для солирующего голоса с простым аккордовым сопровождением гитарного характера, типичным для городской музыкальной практики того времени, и для трехголосного хора (ансамбля). Несомненным достоинством сборника стали впервые опубликованные здесь мелодии широко бытовавших песен, затем использованные в композиторской практике («Не белы снега забелилися», «Ах, не одна в поле дороженька пролежала»).

Более полным и систематизированным стало собрание Д.Н. Кашина «Русские народные песни», вышедшее в 1833–1834 гг. Оно явилось своеобразным итогом многолетней собирательской деятельности музыканта. Еще в начале XIX века на страницах издаваемого им «Журнала отечественной музыки» были напечатаны обработки народных песен, в том числе были из сборника Кириши Данилова. Кашин зафиксировал наиболее известные образцы городского песенного фольклора пушкинской поры, систематизировав их по жанровым признакам (песни протяжные, полупротяжные, плясовые и скорые). В частности, здесь впервые были опубликованы «Степь Моздокская», «Лучина».

При всем своеобразии песенных сборников Рупина и Кашина их объединяет общая задача творческого переосмысления песенных первоисточников, прежде всего, распевных лирических протяжных песен в концертные композиции, что было

свойственно салонному музыкальному исполнительству в то время. Их появление было продиктовано потребностями «сделать народную песню достоянием любительского музицирования. Естественно, что они осуществлялись под знаком ее сближения с городскими традициями, что, разумеется, меняло ее исконный облик, но зато доносило ее до сердца слушателей и вместе с тем открывало путь к созданию песен в народном духе композиторами. По этому пути пошли, как известно, несколько позже А. Варламов и А. Гурилев, объединившие в одном русле обработки народных песен и собственные произведения» [7, 18].

Появившиеся в 1840-х гг. сборники русских народных песен А.Е. Варламова («Русский певец», 1846 г.) и А.Л. Гурилева («Избранные народные песни», 1849 г.) свидетельствуют о новом этапе развития музыкальной фольклористики. В этих сборниках представлены популярные песни городской традиции, в том числе отдельные образцы из собраний И. Прача, Д. Кашина, И. Рупина в свободных композиторских обработках. Показательна структура сборника А. Варламова: за каждой обработкой песни для голоса с фортепиано следуют фортепианные вариации на ту же тему — сочинения польского композитора В. Кажинского, служившего дирижером Александринского театра в Петербурге².

В целом народные песни у Варламова и Гурилева предстают как свободные композиторские обработки, предназначенные для концертного исполнения, подобно произведениям собственного сочинения.

Картину активного обращения композиторов глинканской поры к фоль-

клору дополняет выпущенный в 1834 г. А.А. Алябьевым совместно с украинским этнографом М.А. Максимовичем сборник «Голоса украинских песен», ставший первым печатным собранием украинского музыкального фольклора. Кроме того, Алябьев в годы ссылки (1825—1843) делал записи татарского, башкирского, киргизского, туркменского фольклора и объединял их обработки в циклы — «Азиатские песни» (две башкирские, киргизская и туркменская), «Татарские песни» (шесть инструментальных мелодий и одна вокальная), «Горские песни» (утрачены).

Таким образом, музыкальная практика первой половины XIX века — исполнительство, композиторское творчество — отразила характерные тенденции широкого фольклорного движения, охватившего русскую интеллигенцию. Его вершиной и стало песенное собрание П.В. Киреевского — явление уникальное, которое поражает не только глубиной замысла и масштабностью воплощения, но и своей общественной значимостью. Исследователь жизни фольклориста М.О. Гершензон отмечал: «Не собиранием народных песен, не исследованиями в области русской истории он исполнил свое жизненное призвание, но тем, что в определенный момент он явился среди русского образованного общества, как живое воплощение русского народного духа и как живая связь между народом и этим оторвавшимся от народа обществом» [8, XLI—XLIII].

В Песенном собрании Киреевского нашли отражение характерные для своего времени взгляды на роль народного творчества в истории России, анализ его современного состо-

ания. Важное значение имеют высказанные в предисловии к изданию 1848 г. наблюдения о любви русского народа к песне, о многожанровом характере народного песнетворчества. «Есть ли в мире народ певучее русского? Во всех почти минутах жизни русского крестьянина, и одиноких и общественных, участвует песня; почти все свои труды, и земледельческие и ремесленные, он сопровождает песнею. Он поет, когда ему весело, поет, когда ему грустно. Когда общее дело или общая забава соединяет многих, — песня разделяется звучным хором; за одиноким трудом или раздумьем, ее мелодия, полная души, переливается одиноко. Поют все: и мужчины и женщины, и старики и дети. Ни один день не пройдет для русского крестьянина без песни; все замечательные времена его жизни, выходящие из ежедневной колеи, также сопровождаются особенными песнями. На все времена года, на все главные праздники, на все главные события семейной жизни есть особые песни, носящие на себе печать глубокой древности» [13, II–III].

Однако современное состояние народной песни вызывает у собирателя тревогу. «Несмотря на то, что песни имеют такое значение в жизни русского народа, нельзя не признать мрачной истины, в которой убедило меня многолетнее занятие этим предметом: что вся их красота, все, что составляет существенное достоинство их характера, — уже старина и что эта старина уже не возрождается в новых, себе подобных отраслях, как было в продолжение стольких веков. <...> Русские песни можно сравнить с ве-

личественным деревом, еще полным силы и красоты, но уже срубленным: бесчисленные ветви этого дерева еще покрыты свежей зеленью; его цветы и плоды еще благоухают полнотой жизни, но уже нет новых отпрысков, нет новых завязей для новых цветов и плодов» [14, 250].

Сохранению угасающей традиции и была посвящена деятельность Киреевского — как практическая, так и аналитическая. В частности, огромное значение имеют разработанные им принципы фольклористической работы, составившие основу научной этнографии, в том числе и в отношении музыкальной стороны народных песен.

Конечно, Киреевский не ставил цели анализировать напевы народных песен, однако синтетическая природа фольклорных текстов заставляет его об этом задуматься. Так, при классификации исторических песен он спрашивает совета Н. Языкова: «Куда, ты думаешь, лучше отнести песни исторические? К песням или стихам? Некоторые из них поются, как стихи, другие и особенно допетровские, как простые песни; а разделять их хронологический ряд было бы жалко» [14, 250].

Киреевский осознавал неразрывную связь слова и музыки в народной песне. В «Песенной прокламации»³ исследователь дает практические указания собирателям, в частности, советует сначала записывать песни со слов, потом проверять с голоса, «ибо люди, привыкшие петь песни, обыкновенно лучше вспоминают их, когда поют, нежели сказывают» [1, 335]. Показательно, что среди «вкладчиков» песенного собрания был и А.Е. Варламов: тексты двух исторических песен о взятии Ива-

ном Грозным Казани композитор передал П.В. Киреевскому [9, 154].

Внимание к музыкальной стороне народных песен в большей степени проявилась у Киреевского в практике музицирования под аккомпанемент гитары в орловском имении Киреевская Слободка, где он жил с 1837 г. до последних дней жизни. Известно, что Петр Васильевич был прекрасным музыкантом и любил исполнять народные песни. В его библиотеке было много музыкальных сборников: материалы архива Киреевского, хранящегося в Орловском Государственном музее им. И.С. Тургенева, содержат ноты популярных народных песен в переложении для гитары («Вспомни, вспомни, любушка», «Лучина, лучинушка», «Тошно, матушка»). Сохранился также принадлежащий Киреевскому сборник «Между делом бездельем» Г.Н. Теплова (издание Д. Дмитриевского, СПб., год рукописи неизвестен), широко распространенный в музыкальном обиходе в конце XVIII — первой половине XIX вв.

В целом, подходы, примененные П.В. Киреевским при создании Песенного собрания, имели важное значение для музыкальной фольклористики, которая в этот период находилась на стадии своего зарождения. В частности, одним из основных ее завоеваний стала принципиальная установка на изучение народной песни в неразрывной связи с повседневной жизнью крестьянства. В отличие от аналогичных изданий, вышедших в Европе и составленных на основе различных рукописей, Собрание Киреевского включало широко бытовавшие песни различного жанрового и содержательного состава (рекрутские, солдатские,

скоморошьи, лирические и другие), которые были записаны непосредственно от народных исполнителей.

Важной стороной практической собирательской деятельности стал опыт экспедиционной работы, впервые примененный Киреевским и явившийся впоследствии основной формой получения этнографического материала. В 1834 г. Киреевский предпринял специальную поездку в Осташевский уезд Новгородской губернии, где намеревался записать образцы народного эпоса. И хотя результаты оказались не столь продуктивными, как это задумывалось, значение ее оказалось намного важнее. По сути, это была первая в истории отечественной фольклористики научная экспедиция, заложившая основы специальной методики собирательской деятельности с заранее определяемым районом и намеченным маршрутом исследования.

При подготовке публикации собиратель стремился воссоздать подлинный народный облик песни. Для этого он отказался от литературной обработки текстов и печатал их так, как они исполнялись в народной среде. Подчеркивая важность записи песни «слово в слово», какой бы незначительной или даже бессмысленной она не представлялась, Киреевский проводил сравнение текстов для изучения художественной специфики вариантов и отбора лучшего из них. К началу 1840-х гг. Киреевский пришел «к мысли о необходимости искать в разных вариантах первоначальный идеальный образец, “настоящую песню”, “основной текст” (термин Киреевского) среди группы вариантов одной и той же песни. <...> Известно, что Киреевский создавал так называемый сводный текст, выбирая из

имеющихся вариантов один в качестве основного и дополняя его отдельными строчками или отдельными словосочетаниями из других вариантов, обязательно оговаривая при этом каждое изменение и указывая его источник» [5, 338].

Желание как можно более точно и достоверно зафиксировать собранный материал привело собирателя к мысли о необходимости паспортизации песен: указания данных о месте и времени записи, исполнителе и его социальном статусе, источнике для каждого варианта. Эти словарные пояснения были приняты впоследствии за основу построения научных комментариев к этнографическим записям Киреевского.

Судя по отдельным черновым наброскам, планы исследователя включали также выявление диалектных особенностей народных песен, однако осуществить эту задачу он не смог [15, LVI]. Вместе с тем, «Песенная прокламация» положила начало массовому фольклорному движению в различных губерниях и развитию об-

ластной фольклористики, внесшей неоценимый вклад в отечественную науку.

Заслуга Киреевского состояла в том, что он смог поднять собрание народных песен до уровня задач, поставленных передовой общественной мыслью, наукой и литературой своего времени, тем самым способствовал развитию фольклористики. «Его деятельность была направлена на решение одной из основных проблем, выдвинутых современностью: проблемы народности русской культуры. Он стремился к тому, чтобы от имени народа говорили не только писатели и поэты, но и сам народ. В результате усилий Киреевского в литературе стал слышен голос русского крепостного крестьянина» [14, 179].

Фундаментальность разработанных им принципов фольклористической деятельности сказалась и в области музыкальной этнографии, многие из которых (основы экспедиционной работы, требование точности и достоверности, непосредственной записи первоисточника) не утратили своей значимости и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М.К. История русской фольклористики. Москва: Гос. уч.-пед. изд-во, 1958. 406 с.
2. Асафьев Б.В. Русский романс XIX века // Русская музыка XIX и начала XX века. 2 изд.-е. Л.: Музыка, 1979. С. 55–99.
3. Белинский В.Г. Литературные мечтания (Элегия в прозе) // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834–1836 г. Дмитрий Калинин. Москва: Художественная литература, 1971. С. 47–128.
4. Беляев В.М. Сборник Кириши Данилова. Опыт реставрации песен. Москва: Сов. композитор, 1969. 227 с.
5. Власова Э.И. Коллекция лирических песен в собрании П.В. Киреевского // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. VII / Отв. ред. В.Г. Базанов. Москва; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 328–342.
6. Востоков А. Опыт о русском стихосложении. СПб.: Морская типография, 1817. 168 с.
7. Вульфийс П. К истории русской музыкальной фольклористики // Русская мысль о музыкальном фольклоре: материалы и документы / Вст. ст., сост., коммент. П.А. Вульфийса. Москва: Музыка, 1979. С. 10–72.
8. Гершензон М.О. П.В. Киреевский. Биография. Москва, 1910. 50 с.

9. История русской музыки: в 10 т. Т. 5. 1826–1850 / Ю.В. Келдыш, Т.В. Корженянц и др. Москва: Музыка, 1988. 520 с.
10. *Неверов Я.М.* О новой русской опере г. Глинки «Жизнь за царя» // Глинка в воспоминаниях современников / Под общей ред. А.А. Орловой. Москва: ГМИ, 1955. С. 336–339.
11. Очерки по истории русской музыки. 1790–1825 / Под ред. М.С. Друскина, Ю.В. Келдыша. Л.: ГМИ, 1956. 459 с.
12. Письма П.В. Киреевского к Н.М. Языкову / Ред., вст. ст. и комментарии М.К. Азадовского // Известия Академии наук СССР. 1935. № 1. Ч. 2.
13. Русские народные песни, собранные П. Киреевским. Ч. I. Русские народные стихи // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Москва, 1848.
14. *Соймонов А.Д.* П.В. Киреевский и его собрание народных песен. Л.: Наука, 1971. 360 с.
15. *Сперанский М.Н.* П.В. Киреевский и его собрание песен // Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1 / Под ред. В.Ф. Миллера и М.Н. Сперанского. Москва: О-во любителей росс. словесности при Моск. ун-те, 1911. С. XLIII–LXXIII.

REFERENCES

1. *Azadovskij M.K.* Istoriya russkoj fol'kloristiki [History of Russian folklore studies]. Moskva, Gos. uch.-ped. izd-vo [Moscow: State educational and pedagogical publishing house]. 1958. 406 p.
2. *Asafev B.V.* Russkii romans XIX veka [Russian romance of the XIX century]. Russkaia muzyka XIX i nachala XX veka [Russian music XIX and early XX century]. 2 izd-e. L.: Muzyka [Leningrad: Muzyka]. 1979. P. 55–99.
3. *Belinskij V.G.* Literaturnye mechtaniia (Elegiia v proze) [Literary dreams (Elegy in prose)] Sbranie sochinenij v 8 t. T. 1. Stat'i, recenzii i zametki 1834–1836 g. Dmitrij Kalinin [Collected works in 8. vol. Vol. 1. Articles, reviews and notes 1834–1836. Dmitry Kalinin]. Moscow, Hudozhestvennaya literature [Moscow: Publishing house «Fiction»]. 1976. P. 47–128.
4. *Beliaev V.M.* Sbornik Kirshi Danilova. Opyt restavratsii pesen [Sbornik Kirshi Danilova. Opyt restavratsii pesen]. Moskva: Sov. kompozitor [Moscow: Publishing house «Sov. composer»]. 1969. 227 p.
5. *Vlasova Z.I.* Kolleksiia liricheskikh pesen v sobranii P.V. Kireevskogo [Collection of lyrical songs in the collection of P.V. Kireevsky]. Russkii folklor: materialy i issledovaniia. Vol. VII / Otv. red. V.G. Bazanov [Russian folklore: Materials and research. Vol VII / Ed. edited by V.G. Bazanov]. Moskva; L.: Izd-vo AN SSSR [Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences]. 1962. P. 328–342.
6. *Vostokov A.* Opyt o russkom stikhoslozhenii [Experience on Russian versification]. SPb.: Morskaja tipografiia [SPb.: Marine printing]. 1817. 168 p.
7. *Vulfius P.* K istorii russkoj muzykalnoi folkloristiki [On the history of Russian musical folklore]. Russkaia mysl o muzykalnom folklore: materialy i dokumenty / Vst. st., sost., komment. P.A. Vulfiusa [The musical ideas of Russian folklore: materials and documents / Introductory article, preparation, comment. P.A. Vulpius]. Moskva: Muzyka [Moscow: Publishing house «Music»]. 1979. P. 10–72.
8. *Gershenson M.O.* P.V. Kireevskij. Biografiya [P.V. Kireevsky. Biography]. Moskva: Pechatnia A.I. Snegirevoi [Moscow, Publishing house «Pечатnya A.I. Snegirevoj»]. 1910. 50 p.
9. Istoriia russkoj muzyki: v 10 t. T. 5. 1826–1850 / U.V. Keldysh, Y.V. Korzhenians i dr. [History of Russian music in 10 volumes. Vol. 5. 1826–1850 / V. Keldysh, T.V. Kargenian etc.]. Moskva: Muzyka [Moscow: Publishing house «Music»]. 1988. 520 p.
10. *Neverov Ia.M.* O novoi russkoj opere g. Glinki «Zhizn za tsaria» [About the new Russian Opera Glinka's «Life for the Tsar»] // Glinka v vospominaniakh sovremennikov / Pod obshej red. A.A. Orlovoi [Glinka in the memoirs of his contemporaries / Under the General ed. A.A. Orlova]. Moskva: GMI [Moscow: Publishing house «GMI»]. 1955. P. 336–339.

11. Ocherki po istorii russkoi muzyki. 1790—1825 / Pod red. M.S. Druskina, U.V. Keldysha [Essays on the history of Russian music. 1790—1825 / Edited by M.S. Druskin, U.V. Keldysh]. L.: GMI [Leningrad: Publishing house «GMI»]. 1956. 459 p.

12. Pis'ma P.V. Kireevskogo k N.M. Yazykovu / Red., vst. st. i kommentarii M.K. Azadovskogo [The letters P.V. Kireevsky to N.M. Yazykov / Red., comments by M.K. Azadovsky's]. Izvestiia akademii nauk SSSR [News of the Academy of Sciences of the USSR]. 1935. № 1. Ch. 2. 86 p.

13. Russkie narodnye pesni, sobrannye P. Kireevskim. Russkie narodnye stihy [Russian folk songs collected P. Kireevsky. Russian folk poems]. Vol. I. Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete [Reading in the Society of history and antiquities of Russia at Moscow University]. Moskva: V universitetskoj tipografii [Moscow: At the University printing house Publishing]. 1848. 310 p.

14. *Sojmonov A.D.* P.V. Kireevskij i ego sobranie narodnyh pesen [P.V. Kireevsky and his collection of folk son]. L: Nauka [Leningrad: Publishing house «Science»]. 1971. 360 p.

15. *Speranskii M.N.* P.V. Kireevskij i ego sobranie pesen [P.V. Kireevsky and his collection of songs]. Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim. Novaia serii. Vyp. 1. / Pod red. V.F. Millera i M.N. Speranskogo [Songs collected by P.V. Kireevsky. New series. Vol. 1. / Under the editorship of V.F. Miller and M.N. Speransky]. Moskva: O-vo ljubitelei ros. slovesnosti pri Mosk. un-te [Moscow: Society of fans of the Russian literature at Moscow University]. 1911. С. XLIII—LXXXIII.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Это издание неоднократно переиздавалось: в 1878, 1893 гг. В 1901 г. появилось самое полное издание сборника под редакцией П. Шеффера, включающее 70 текстов с напевами, на котором основывалось издание 1938 г. (под редакцией С.К. Шамбинаго, без напевов). Особо подчеркнем аналитическую работу В.М. Беляева [4], опирающуюся на широко представленный музыкальный материал.

2. Отметим масштабность первоначального замысла Варламова: он предполагал большое собрание песен различных славянских народов (русских, украинских, польских, сербских и др.). Только в первом выпуске предполагалось издать сто русских и украинских песен. План полностью не был осуществлен: было опубликовано 43 песенные обработки.

3. Таким названием в научной литературе обозначена совместная статья П.В. Киреевского, Н.М. Языкова, А.С. Хомякова «О собирании русских народных песен и стихов», опубликованная в разделе Частных извещений в «Симбирских губернских ведомостях» от 14 апреля 1838г., Прибавление № 14 (затем была перепечатана С.А. Раевским в «Олонецких губернских ведомостях», Прибавления к октябрьскому выпуску 1838 г.). Название «Песенная прокламация» употреблялось в личной переписке. Написанная в форме обращения к местной интеллигенции о собирании памятников народной поэзии, статья представляет собой программный документ, содержащий общие замечания о значении и важности народных песен и практические указания собирателям.

